

Черепанов Игорь Владимирович

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии
Новосибирского государственного
технического университета

Cherepanov Igor Vladimirovich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Philosophy Department,
Novosibirsk State Technical University

АГНОСТИЦИЗМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

AGNOSTICISM IN THE PHILOSOPHY OF MIND

Аннотация:

В статье рассматривается пессимистическая позиция в отношении познаваемости феномена сознания, сущность которого становится доступной лишь в имманентной сфере самого сознания. Доказывается невозможность исследования сознания объективными методами науки. Анализируется отличие физического и ментального через данность во внешнем и внутреннем чувстве, показывается, что данная точка зрения логически приводит к позиции субъективного идеализма. Проводится демаркационная линия между сознанием и мышлением. Ставится вопрос о возможности мышления о сознании, на который дается отрицательный ответ в связи с темпоральной структурой сознания. Осуществляется критика агностицистской точки зрения на основе смысловой компоненты сознания. Подчеркивается необходимость реформы научного знания с целью включения в предметную область науки ментального опыта.

Ключевые слова:

сознание, субъективный опыт, ментальный опыт, гносеологический пессимизм, сознание и мышление, сознание и смысл, агностицизм.

Summary:

The article considers the pessimistic position concerning cognoscibility of the phenomenon of consciousness, which essence becomes available only in the immanent sphere of the consciousness itself. The impossibility of studying the mind is proved by the objective methods of science. The author analyses the difference of the physical and mental through the reality in external and internal feeling, and shows that this point of view logically leads to the position of subjective idealism. The demarcation line between mind and thinking is drawn. The author raises a question of a possibility of thinking about consciousness and answers negatively in connection with the temporal structure of the mind. The author criticises the agnostic point of view on the basis of the semantic components of the mind. The article emphasises the need for reformation of the scientific knowledge in order to include mental experience into the subject sphere of science.

Keywords:

mind, subjective experience, mental experience, epistemological pessimism, mind and thinking, mind and meaning, agnosticizm.

Согласно агностицистской точке зрения исследовать феномен сознания невозможно, поскольку его изучение осуществляется средствами самого исследуемого сознания и возникающее таким образом тождество познающего субъекта и познаваемого объекта элиминирует между ними онтологическую границу, тем самым не допуская их репрезентативное взаимоотношение. Другими словами, философия сознания невозможна, потому что его философское исследование проводится в имманентной стихии самого сознания. Однако при этом философия мышления и восприятия является вполне допустимой областью человеческого знания, так как между сознанием и мышлением в равной степени, как и между сознанием и восприятием, можно провести четкую демаркационную линию, которая обеспечивает онтологическое противостояние сознанию субъекта и бессознательно обусловленных процессов мышления и восприятия.

Кроме этого, агностицизм в философии сознания обуславливается тем, что субъективные феномены невозможно идентифицировать методами объективных наук. Для каждого человека сам факт того, что он обладает сознанием, является аподиктически достоверным и не нуждается ни в каких специальных доказательствах. Но как только мы пытаемся убедить кого-то другого, используя научную и философскую аргументацию, в том, что мы обладаем сознанием, так сразу же сталкиваемся с серьезными методологическими трудностями. Действительно, не существует объективного критерия, с помощью которого можно было бы доказать наличие сознания у конкретного человека. Можно говорить о том, что существует ряд признаков, которые свидетельствуют, обладает данный человек сознанием или нет. К ним относятся, например, определенные поведенческие реакции или параметры электроэнцефалограммы головного мозга. Но при этом возникает эпистемологическое противоречие, поскольку научные методы не позволяют достоверно установить соответствие между объективными данными, полученными в рамках эксперимента, и субъективным бытием сознания. Действительно, зафиксировать поведенческие реакции или состояния электроэнцефалограммы головного мозга представляется возможным с помощью непосредственного наблюдения или специальной аппаратуры, но установить, что им соответствует наличие ментального (сознательного) опыта, можно лишь по вербальному отчету испыту-

емых, занимающихся интроспекцией, что, конечно же, не является объективным методом, поскольку интроспективный отчет носит субъективный характер и не может быть проверен объективными средствами в рамках такого исследования.

Поэтому делать вывод о наличии сознания у человека, который внешне ведет себя соответствующим образом и электроэнцефалограмма мозга которого демонстрирует определенный графический рисунок, равносильно тому, как делать вывод о существовании жизни на удаленной планете, которая по своим физическим параметрам (таким, например, как масса, наклон оси вращения к эклиптике, сила магнитного поля, наличие спутника, подобного Луне, и пребывание в астрономическом поясе жизни) полностью аналогична Земле, при условии что мы не имеем возможности слетать на эту планету и таким образом окончательно убедиться в истинности своего умозаключения. Если говорить строго, то наличие сознания у других людей является предметом веры или в лучшем случае умозаключением по аналогии, что никак не позволяет сознанию попасть в фокус собственно научного исследования.

Агностическую позицию в рамках философии сознания занимает, например, К. Макгинн, согласно которому в человеческом мозге отсутствуют функциональные модули, необходимые для анализа сущностной природы самого ментального опыта. При этом К. Макгинн признает, что мы не являемся биологическими машинами, действующими в темноте бессознательного, но в силу когнитивной замкнутости сознания не способны понять, почему, собственно говоря, сознание порождается мозгом, т. е. не способны решить онтологическую, или трудную, проблему сознания [1, р. 34].

Стараясь тем не менее объяснить сосуществование физического, отвечающего за бессознательные процессы психики, и ментального, отвечающего за сознательные процессы психики, К. Макгинн полагает, что физическое дано во внешнем чувстве, а ментальное – во внутреннем. Поэтому отношение между физическим и ментальным можно рассматривать как отношение между внешним и внутренним чувством в рамках психического опыта вообще.

Однако, как верно замечает В.В. Васильев, данная точка зрения сталкивается с двумя существенными трудностями [2, с. 98]. Во-первых, само внешнее чувство оказывается внутренним, так как не существует строгого критерия, на основании которого можно было бы с уверенностью сказать, что все то, что происходит с нами, не является виртуальной симуляцией. Значит, внешнее чувство реализуется как форма бытия внутреннего чувства, откуда следует, что физическое представляет собой форму бытия ментального, в результате мы утрачиваем позиции материалистического мировоззрения. Во-вторых, не существует строгого критерия соответствия между внешним чувством и его материальным прообразом, поскольку последний выпадает из сферы чувственного опыта как собственно то, что выражается чувствами, но не совпадает с ними онтологически. Следовательно, отождествление физического с внешним чувством, а психического – с внутренним логически приводит к позиции субъективного идеализма.

Развивая логику агностического понимания сознания, следует поставить вопрос относительно того, можно ли мыслительными средствами, благодаря которым мы понимаем окружающий мир, понять также и феномен сознания, сохраняя при этом обоснованное движение мысли. Можно ли понять адекватным способом собственно то, как мы осознаем осознаваемое в имманентной стихии самого сознания? Другими словами, возможно ли мышление о сознании, и если возможно, то каковы его структурные и функциональные особенности?

Здравый смысл подсказывает нам, что такое возможно лишь при условии, что осмысление сознания не повлияет на актуальность самого сознания, так как его актуальность, т. е. его наличие в данный момент времени, является сущностной характеристикой сознания. Действительно, у сознания нет и не может быть ни прошлого, ни будущего, так как оно существует только в настоящем и, собственно говоря, только оно и способно зафиксировать присутствие познающего субъекта в настоящем моменте времени. Осознание всегда предполагает осознание длительности самого осознания, и эта его темпоральная глубина не позволяет ему стать ни предметом прошлого, ни предметом будущего. Можно говорить лишь о том, что именно человек осознавал в прошлом или что он осознает в будущем, но никак нельзя говорить о том, чем именно было само по себе это осознание в прошлом или чем оно станет в будущем, поскольку осознание, взятое само по себе в качестве предмета осмысления, существует лишь здесь и сейчас, двигаясь вместе с настоящим моментом времени и сопровождая, таким образом, другие когнитивные процессы (т. е. процессы мышления, восприятия, воображения, памяти и т. д.). Однако мышление не может схватить настоящий момент времени, потому что всегда отстает в темпоральном отношении от сознательной фиксации и довольствуется либо прошлым, т. е. уже покинутым настоящим моментом времени предметом осмысления, либо будущим, т. е. таким предметом осмысле-

ния, который еще не вошел в настоящий момент времени. Мышление останавливает темпоральный поток в осмысляемой предметной сфере и тем самым с необходимостью устраняет из нее сознание, которое неотделимо от темпорального движения мысли.

Таким образом, мышление о сознании невозможно, но возможно осознание сознания и осознание мыслительных процессов, т. е. их феноменологическое описание в том виде, в каком они непосредственно переживаются как нечто доступное осознанной фиксации. При этом если осознанная фиксация трансформирует фиксируемый процесс мыслительного или сознательного характера, то акт осознания становится бессознательным мыслительным актом и мы, теряя сознание в качестве предмета интенции, в лучшем случае получаем мышление о мышлении, но никак не мышление о сознании. Само же по себе сознание без участия мышления может лишь зафиксировать некое присутствие, но не в состоянии осмыслить его, а значит, и выявить присущие ему структурные и функциональные особенности. Поэтому когерентная позиция агностицизма, во-первых, предполагает принципиальное отличие сознания от мышления и, во-вторых, делает сознание бессмысленным феноменом в рамках психической жизни человека, поскольку сама по себе осознанная фиксация, не меняя ничего существенного в фиксируемом психическом акте, ни при каких условиях не позволяет объяснить само существование сознания в силу его онтологической природы.

Причем агностическая позиция настолько сильно отделяет сознание от мышления, что в итоге признает возможным не только мышление без участия сознания, т. е. бессознательное мышление, но и сознание без участия мышления, т. е. неосмысленное сознание, что, вообще говоря, представляет собой нетривиальную проблему, так как неосмысленное сознание не содержит в себе смысловую компоненту, тогда как сознание, которое ничего не понимает, вероятнее всего, сознанием называться не может. Однако следует заметить, что эти рассуждения приемлемы лишь в философской традиции Запада, где смысл является прерогативой мышления, в то время как восточная философия, где смысл онтологически не привязывается к мышлению, вполне допускает подобную радикальную сепарацию сознания от мышления.

Несмотря на то что агностицизм капитулирует перед проблемой сущности и бытия сознания, объявляя его непостижимым феноменом, на сегодняшний день он занимает достаточно прочные мировоззренческие позиции, поскольку современная наука не способна инкорпорировать феномен сознания в свою предметную область. Наука изучает мышление, восприятие, воображение, память и другие когнитивные функции психики, но сознание ускользает от нее и никак не вписывается в материалистическую картину мира. Однако можно предположить, что для эвристической полноты научного знания необходимо провести реформу, которая позволила бы адекватным образом включить в него ускользающий феномен сознания. Кроме этого, можно сказать, что сознание принципиально не вписывается в научную парадигму просто потому, что оно является феноменом не материального, а духовного уровня бытия, который не может быть по сущности редуцирован к процессам материального порядка. И тогда вслед за С. Пристом необходимо признать, что объяснение феномена сознания, действительно, не может осуществляться когнитивными средствами материального тела. Это в свою очередь вовсе не исключает возможности того, что феномен сознания постигается какими-то иными духовными, нематериальными, средствами [3, с. 112].

Таким образом, агностическая позиция не может убедительно доказать принципиальную непознаваемость феномена сознания. Именно поэтому она выстраивает свою аргументацию по большей части лишь на критике других философских теорий, разрабатываемых в рамках гносеологического оптимизма. Отстаивая свои позиции, агностицизм апеллирует к тому, что никакая другая философская теория не способна должным образом объяснить феномен сознания и поэтому следует признать его фундаментальную необъяснимость. Однако любая попытка построения когерентной теории на критике других теорий оказывается эвристически несостоятельной, так как, во-первых, такая теория остается без содержательных предпосылок, только опираясь на которые можно возвести целостное здание философской системы, а во-вторых, другие теории, критикуемые с ее стороны, могут усовершенствовать свою логику и свои основные положения, сохраняя тем самым за собой претензии на истинность.

Ссылки:

1. McGinn C. *The Problem of Consciousness: Essays Towards a Resolution*. Oxford, 1993.
2. Васильев В.В. *Трудная проблема сознания*. М., 2009.
3. Прист С. *Теории сознания*. М., 2000.

References:

- McGinn, S 1993, *The Problem of Consciousness: Essays Towards a Resolution*, Oxford.
Priest, S 2000, *Theories of consciousness*, Moscow, (in Russian).
Vasilyev, VV 2009, *The hard problem of consciousness*, Moscow, (in Russian).